

Альфа — имя научное

Об А. И. Михайлове и его воспоминаниях
(Черноголовская газета, №№ 5 и 6, 12 и 19 февраля 2009 г.)

В нынешнем кадровом составе науки можно довольно чётко наблюдать две волны: семидесяти — и шестидесятилетние, 1938 г.р. плюс-минус пара-тройка лет и 1948 г. плюс-минус те же 2-3 года, далее — одиночки... Альфа Иваныч — из этой первой волны, и у него, как у многих известных учёных, в этом году юбилей. 10 февраля отпраздновал профессор А. И. Михайлов свой 70-й день рождения, с чем мы его от всей души поздравляем. За 70 лет есть что человеку нетривиальному вспомнить, вот он и вспоминает. Мы публикуем отрывки из его мемуаров. Про Додонова вы уже, наверное, читали, теперь про всё остальное. Но сначала я хоть и скупно, но обрисую «позиции» и историю жизни А. И. Михайлова до появления в Черноголовке.

Альфю Иваныча я знаю давно, «служили» когда-то в одном корпусе 2/10 Химфизики. На семинарах он докладывал об ЭПР и полихронной кинетике, потом стали говорить, что занялся опилками, — видно, шутили, на самом деле это была

А.И. Михайлов

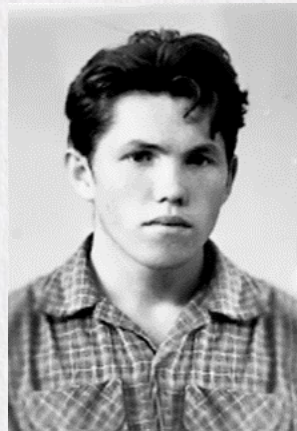
фитосфера. Потом все баркаловцы ушли в отдельный корпус Гольданского, потом Альфа стал завлабом, сравнительно недавно побыл и заведующим Отделом строения вещества (ОСВ), а теперь снова завлаб. Лаборатория его в ИПХФ называется длинно и солидно: свободно-радикальных и радиационно-химических процессов. Он, Альфа Иваныч, и сам теперь солидный, неторопливый (это, правда, уже не совсем по своей воле), профессор, доктор химических

наук, член диссертационных советов, консультант. Еще есть у него должности и звания более уникальные: действительный член РАЕН (ну это мы знаем) и Ассоциации экстремальной и экологической медицины (есть, оказывается, и такая), член рабочей группы Научного совета по развитию лесного комплекса и фитосферы при Правительстве Российской Федерации. Про науку — без подробностей сейчас и здесь, но вам, наверное, уже ясно, что он все больше поворачивает к биологии и медицине. И правильно! Совсем здоровья нет...

Но вернёмся к началу: откуда такое странное это имя? А вот откуда.

Его предки, из молокан (но молокане к имени отношения не имеют — вы уж поверьте), были сосланы «на низ» еще во времена оны. И прадеды, и деды, и родители жили в Азербайджане. Отец окончил два факультета, даже поучился немножко у знаменитого генетика Кольцова, одно время работал директором школы. Воспоминатель наш был у родителей ребенком поздним, причем первенцем, вот и называли его, со своей «физматовской» точки зрения, в честь первой буквы греческого алфавита и обозначения многих физических величин. Удивительно, но дед, Григорий Гри-

горьевич, согласился с таким необычным именем, сказав, что раз в Писании написано: «Альфа и омега есмь первый и последний», — то, значит, называть можно. Зато брата (в 1951 г.) Альфа категорически настоял назвать Дмитрием, а не Бетой. Теперь он после филфака МГУ в Москве китаевед и переводчик.

Альфа в юности

Мама его всю жизнь преподавала физику и математику в школе. Заодно выучила сына настолько, что из глухого зерносовхоза он поехал поступать на физфак МГУ, а затем на физхим МФТИ. И в 1957 г. стал физтехом. Мечтал когда-то о биофизике, но еще студентом оказался в московской Химфизике, в лаборатории В. В. Воеводского, у него был и в аспирантуре. Работал на первых советских ЭПР-спектрометрах да еще «под пучком» трофейного ускорителя.

С большим теплом говорит о тех, кто олицетворяет для него ИХФ: о Н. Я. Бубене, Я. С. Лебедеве, И. И. Чхедидзе, В. В. Воеводском, конечно. Альфа Иваныч вообще рассказчик прекрасный, расскажет и о радиационно-химическом модифицировании наноматериалов и экстремальной реакционной способности при гелиевых температурах, о биомолекулярной эволюции, о стратегии развития лесного комплекса и недостатке кислорода, о гигагерцовой технике. Про инсульты и инфаркты и как от них предостерегаться и лечиться надо, и о своих прекрасных сотрудниках и о семье своей прекрасной, и жене, и детях и внуках, но....

Мы сегодня почти все это упускаем, железной рукой отсекаем. Пока. Любит Альфа Иванович еще о людях значительных рассказывать. Вот это послушайте, а я умолкаю.

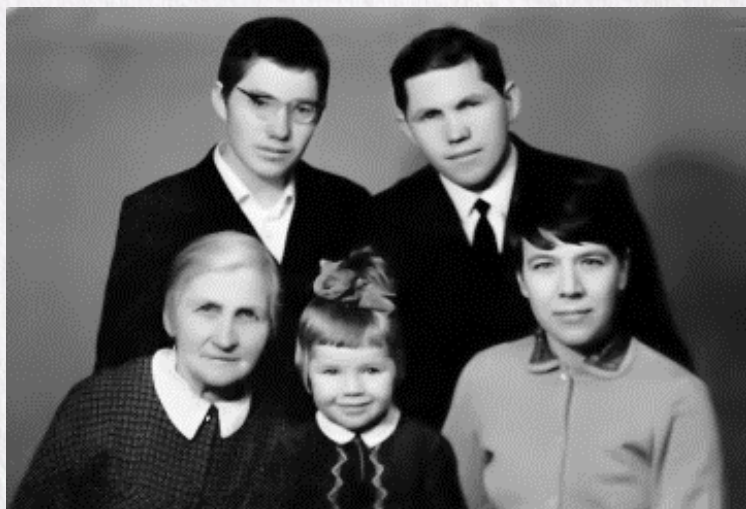
Итак, Альфа Михайлов вспоминает.

Устраиваюсь на работу

В конце аспирантуры пришло время распределения. Однажды весной 1966 года, в очередной свой «проезд» через Москву Владислав Владиславович (Воеводский) говорит мне, что он договорился с Н. Н. Семеновым, чтобы меня взяли работать в филиал ИХФ в Черноголовке. И добавляет: «Поработаешь пару лет, а там что-нибудь придумаем. Пока же посмотри, куда там лучше направиться. Если продолжать радиационно-радикальные дела, то надо идти в корпус В. Л. Тальрозе. Но у него больше газовой фазы, а вот у В. И. Гольданского развиваются перспективные низкотемпературные подходы. Правда, у Виктора Львовича лучше «кормят», но и сильнее «держат». У Гольданского же система ближе к «оброчной» и свободы больше. Впрочем, смотри сам: тебе работать, тебе жить».

Воеводский сказал про распределение и улетел, а мне пришлось пробираться через дебри взаимоотношений. У В. И. Гольданского в Черноголовке был Игорь Баркалов. С ним я был знаком еще по «ускорителю в подвале», и здесь проблем не было, а вот Ф. И. Дубовицкий буркнул: «Да, у Воеводского школа хорошая», — это в раздумье, как бы про себя, а вслух мне: «В Отделе свободных радикалов единиц нет, пойдешь ко мне», — и в телефон: «Кто это? Назин? Гена, подойди, тут человек есть». Пришел Г. М. Назин: «А, Альфа, привет! Мы твои работы знаем, на «ступенчатую рекомбинацию радикалов» ссылаемся. Ты что же это, бросаешь это свое дело?» — «Да нет, — говорю, — Ф. И. настаивает». — «А, понятно. Ну тогда я ему скажу, что ты нам не подходишь». Так и решили...

Когда пришел к А. Н. Пономареву и В. Л. Тальрозе на визу, они тоже: «Останешься у нас». Тем временем вопрос с моей заявкой подзавис. Тогда сам Виталий Иосифович свел меня в Президиум АН к Н. Н. Семенову, объяснил все и подписал у него заявку на мое распределение в Черноголовку, в ФИХФ.

*Альфа (справа), брат Дима, мама Мария Григорьевна,
жена Людмила и дочь Ирина. 1968 г.*

Когда я повторно пришел на прием к Ф. И. Дубовицкому и подал ему заявление с просьбой принять меня на работу в группу И. М. Баркалова отдела А. Н. Пономарева с пометкой начальника отдела кадров Л. А. Подойницына о том, что заявка подписана Н. Н. Семеновым, Федор Иванович чуть не подпрыгнул в своем директорском кресле и, обращаясь к присутствовавшему тогда в кабинете А. Г. Мержанову, произнес: «Конечно, Николай Николаевич у нас здесь тоже директор». Потом повернулся ко мне: «Вы женаты? Дети есть?» Я утвердительно киваю головой. «Так вот, пусть Николай Николаевич заботится о трудоустройстве Вашей жены и устраивает в детский сад ребенка!»

Тем не менее...

Тем не менее с 29 ноября 1966 года меня зачислили на работу в ФИХФ, а уже 12 декабря того же года вызвали в местком: «Срочно пиши заявление на квартиру — завтра будет

распределение». Так мне удалось «протуннелировать» сквозь многие барьеры и попасть на работу к В. И. Гольданскому. Остальные бытовые «угрозы» Ф. И. тоже разрешились самым неожиданным образом. Гулял я как-то с «бессадовской» дочкой около пруда. А навстречу нам идет Ф. И. с маленькой девочкой. Вдруг обе девчонки сорвались с места, побежали навстречу друг к другу, встретились, обнялись. Ф. И. поинтересовался: «Катя, что случилось?» Катя: «Это Ира из нашего сада в Москве». Ф. И. спросил у меня: «Жена-то еще не работает?» — «Нет», — отвечаю... Когда возвращались, Ира объясняет мне: «Это Катя Дубовицкая. Она в наш сад ходила в Москве». Детский сад при ИХФ был организован женой Н. Н. Семенова Натальей Николаевной, и там они с дочерью Людмилой Николаевной, женой В. И. Гольданского, многие годы вели музыкальные занятия.

В кругу семьи. 2000-е годы

А на следующий день, когда я ушел на работу, звонок в дверь. Жена открывает — мужчина. «Вы Михайлова Людмила Гавриловна? Идите оформляться на работу в Отдел техники безопасности. Дубовицкий приказал Вас взять. Я — на-

чальник Отдела, Лебедев Владимир Иванович». Вот так она уже более 35 лет предохраняет нас от радиации, да так надёжно, что между делом вырастила двух дочерей и двух внуков. (Ирина с мужем трудятся у нас в ОСВ, а младшая Светлана «пошла другим путем» и работает в Москве.)

Фёдор Иванович как строитель

С Фёдором Ивановичем достаточно близко мы сошлись уже много позднее, когда ему перевалило за 80. Зашел я как-то к нему по какому-то незначительному делу, а у него в тот день, оказывается, был день рождения, и он сидел в кабинете с несколькими своими сотрудниками за чашкой чая. Узнав о дне рождения в «предбаннике», я уже хотел развернуться и уйти, чтобы не беспокоить человека по пустякам. Но секретарь Люба Косорукова (проработавшая у него, кстати сказать, более 20-ти лет) не выпустила меня обратно: «Заходи, заходи. Вот и поздравить его с днем рождения, а то сегодня почти никто не приходил его поздравлять». Зашел, слово за слово, заговорили о Воеводском, о создании Химфизики, я и говорю: «На Вашем счету, Фёдор Иванович, фактически организация более полдюжины институтов». — «Это каких же? Здесь в Черноголовке, что ли?» — «Нет, — говорю, — по всему Союзу. Вам одну Химфизику за три института засчитать надо: Химфизика в Ленинграде, эвакуация ее в Казань и переезд в Москву». — «Да, с этим трудно не согласиться». — «Плюс МФТИ, плюс Электрохимия». — «А про Электрохимию кто тебе сказал?» — заинтересовался Дубовицкий. «Петр Иванович», — отвечаю. «Да, было дело...»

С П. И. Долиным мы были у Гольданского членами диссертационного Совета, и нас объединяла «страсть» к ускорителям, т.к. он долгое время был начальником импульсного ускорителя электронов в Институте электрохимии.

На семинаре. В центре — Ф.И. Дубовицкий и А.И. Михайлов. 1968 г.

Однажды П. И. мне рассказал: «Приходит как-то после войны академик А. Н. Фрумкин к Н. Н. Семенову и жалуется: «Институт сделал, Постановление ЦК пробил, деньги на строительство выделили, а строить начать никак не могу. Все как в песок уходит». — «Не горюй, — отвечает ему Н. Н., — дам я тебе на полгода своего Федора, он тебе быстро все раскрутит». Взял меня Федор Иванович, как молодого парторга, с собой, и пошли мы с ним по каким-то генштабам. Часовые от его пропуска в струнку вытягивались, а про меня он небрежно кивал: «Это со мной!» Вот так он был вхож во многие верхние эшелоны. Действительно, через пару недель приехали самосвалы, появились стройбатовцы, и корпус Электрохимии со спецстроительством радиационных объектов («Ускорителя» и «Кобальта») начал расти».

Тут Федор Иванович разоткровенничался и про начало строительства в Черноголовке: «Выделили мне место, дали денег каких-то, на которые можно было построить маленький корпусок или заложить десяток фундаментов. Ну заложил я фундаменты, а когда в декабре пришла Госкомиссия, их из-под снега и видно не было. «Все, Федя, — сказали, —

тебя сажать пора». — «Или деньги доставать», — парировал я... И тут появился Тальрозе со своими свободно-радикальными деньгами (тогда была идея использовать свободные радикалы в ракетно-энергетических целях)».

Похороны Воеводского

Но все эти разговоры были потом, а тогда, в начале 67-го, нас постигло большое несчастье. 19 февраля на 50-м году жизни не стало академика Владислава Владиславовича Воеводского. Всего три дня назад он был в Москве и сделал мне предзащиту, а теперь мы все стоим у его гроба в почетном карауле. Далее Новодевичье кладбище, среди моря цветов и венков наш венок от ФИХФ (с которым нас с Л. А. Тихомировым послал Федор Иванович, а ему в тот день как раз исполнилось 60). После Новодевичьего вернулись в Химфизику, в осиротевшую лабораторию химической радиоспектроскопии. Сидим: только что ставший завлабом Яша Лебедев, я и еще несколько человек. Смотрим — входят Н. Н. Семенов, Н. М. Эмануэль и Н. С. Ениколопов. Ениколопов достает коньяк, разливает. Помянули... Н. Н. говорит: «Вот, два Коли не дадут соврать третьему, уже была договоренность в ЦК, что В. В. возвращается из Новосибирска и я ему сдаю директорство, а теперь я не знаю, что будет с Институтом». И действительно, ИХФ с ФИХФ вскоре стали раздирать на «сквозные» сектора и отделы, а Семенову еще 20 лет пришлось директорствовать самому (потому что никто из оставшихся «равновеликих» не мог усидеть друг под другом). А я, соответственно, понял, о каких «придумках» говорил В. В., когда отправлял меня «на пару лет» в Черноголовку. Много позже в какой-то беседе эту фразу про планировавшееся директорство В. В. я пересказал Гольданскому. «А я и не знал», — признался он. Потом он нашел этому подтверждение в архивах ЦК (и даже с рекомендацией не только на директорство, но и

на вице-президентство АН). Все это В. И. озвучил на очередных чтениях им. В. В. Воеводского. Вот так я и стал последним аспирантом В. В. Воеводского и «навечно» сотрудником В. И. Гольданского...

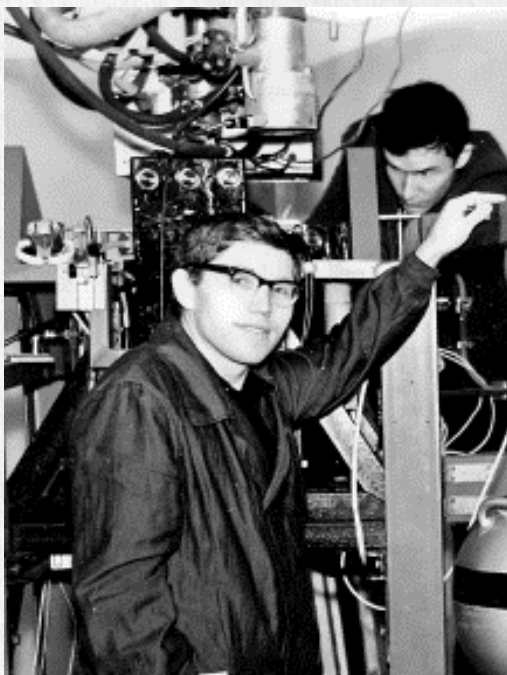
ЭПР «под пучком»

Жизнь в Черноголовке шла своим чередом под знаменем динамических структур, молекулярной подвижности и, конечно, низкотемпературных реакций. По структурному приказу все мы (группа Баркалова и группа Трухтанова) были в отделе А. Н. Пономарева со звездочкой (сноской). Звездочка означала научное руководство В. И. Гольданского. Баркалов дал мне ЭПР и комнату напротив кобальта. А. Н. Пономарев — еще один ЭПР, который мы вместе с Л. А. Тихомировым должны были подвести под пучок ускорителя, как во 2-м корпусе в Москве. Так мы начали гнуть волноводы, буравить трёхметровые бетонные стены радиационной защиты, протаскивать электронный пучок через «игольное ушко» 1,5-тонного магнита вдоль его силовых линий. В конце концов установка заработала и была положительно оценена «госкомиссией» в составе В. Л. Тальрозе, его жены и Николая Яковлевича Бубена (начальника того самого «трофейного» ускорителя во 2-м корпусе в Москве). «Ну, Альфа, — возвестил В. Л., — Вы молодец, мы Вас реабилитируем, хоть Вы и не пошли к нам работать». И В. Л. с важным видом пошел отодвигать свинцово-стальную дверь в лабиринт мишенного зала.

Установка получилась добротная, прослужила более 10 лет, пока окончательно не деструктировала от радиации изоляция на обмотках электромагнита. На установке был выполнен целый ряд первоклассных пионерских работ, в т.ч. по туннелированию электрона на расстояния до 3–5 нм и более (совместно с К. И. Замараевым и Р. Ф. Хайрутдиновым, а

затем с В. А. Аниколенко — моим и В. И. Гольданского аспирантом, доросшим впоследствии до заместителя академика М. А. Садовского в Научном совете по сейсмологии), а также по туннелированию атома Н в свободно-радикальных парах (с О. Я. Якимченко и Я. С. Лебедевым) с обнаружением сильного изотопного эффекта.

А перед этим В. И. Гольданский инициировал написание и выход моей статьи по оценкам роли низкотемпературного туннелирования электрона в радиационной химии (с представлением В. Н. Кондратьева в ДАН). Статья была доложена в Москве у В. И. на семинаре с рецензией и горячо одобрительным выступлением Л. А. Блюменфельда. В ней развивались представления Я. Б. Зельдовича и С. З. Рогинского о дисперсии термодинамических параметров при сорбции газов на неоднородных поверхностях и были разработаны подходы к приближенному решению некоторых задач туннельной полихронной кинетики.

ЭПР-спектрометр заработал. 1967 г.

О Зельдовиче

Тогда уж, кстати, и о Зельдовиче. В. И. на субботу и воскресенье часто приезжал в Черноголовку с Людмилой Николаевной, Андреем и многими знакомыми и друзьями. Бы-

*В институте у Мёсбауэра
с В.И. Гольданским. Германия. 1979 г.*

вало, зимой я их водил на лыжах по черноголовским лесам, разжигали костер на снегу для согрева. Однажды шли мы так по лесу втроем с Я. Б. Зельдовичем, и начался у них с В. И. общий бытовой треп. Разговор зашел про какую-то общую для них знакомую давно минувших дней. Вдруг Гольданский даже остановился: «Слушай, Яша, я давно хотел тебя ущучить по ее поводу. Ведь она как-то мне заявила с претензиями: «А почему, Витя, Вы сегодня свои звезды не надели? Ведь тогда у Вас на груди висело 2 героя, да и волос на голове было не столько». Я, конечно, тут же сообразил,

что это ты, нахал, представился ей Витей Гольданским и гулял много раз с моею дамою!» — под обоюдный хохот закончил В. И. Смех их нарушил лесную тишину, с окружающих елок сорвалась снежная лавина и накрыла эту парочку серебристым облаком снежной пыли.

Химики шутят. Или ошибаются...

Вообще, наши «великие» шефы в выражениях «великого русского» себя не очень стесняли. Однажды прихожу к

Гольданскому домой. Слышу из прихожей разговор В. И. по телефону, как я понял — с Секцией прикладных проблем Президиума (по поводу Э. И. Андрианкина): «Я же ему сколько раз говорил, что не можем мы работать на четыре буквы по секретности. Можем только на две. В итоге пришлось его послать на три (буквы)». В другой раз, на заседании бюро Отделения (ООТХ), В. И. поднимает руку, спрашивает у председательствующего Н. М. Эмануэля: «Николай Маркович, вот на странице 187 новой книги (Н. С. Ениколопян, С. А. Вольфсон. Химия и технология полиформальдегида. М., Химия, 1968. — А. М.) академика Н. С. Ениколопова — непонятно, как это Николай Сергеевич достиг и написал». А написал Н. С. вполне высоконаучную фразу: «В лабораторных установках время пребывания реагентов в зоне высоких температур приводит к образованию целого семейства побочных продуктов». Но при наборе сделали опечатку, и в слове «пребывание» вместо буквы «р» напечатали «о»... В. И. продемонстрировал означенный текст Председателю и далее пустил по рядам... Хохот в зале долго не смолкал. Кстати сказать, опечатку эту обнаружил наш Д. П. Кириухин, и они с Баркаловым показали ее Гольданскому.

С Каганом у Кикоина

К нашим работам по туннелированию водорода большой интерес в свое время проявлял Ю. М. Каган — с точки зрения квантовой диффузии, которой он тогда интенсивно занимался. Однажды В. И. Гольданский попросил меня свозить к нему на подпись кое-какие бумаги. Приезжаю, слово за слово, Юрий Моисеевич заинтересовался тем, что я атомы водорода на ЭПР «живьем» смотрю (правда, в кислотных стеклах). «А что будет в полупроводниках при диффузии водорода?» — спрашивает. Я же ему контрвопрос: «А в каком

там состоянии находится водород — в виде H_2 , $H\dot{I}$ или H^+ (т.е. сбросив с себя электрон)?» Подумал, подумал... «Пошли к Косте Кикоину, спросим. Он сейчас как раз по этим проблемам справочник пишет». Спустились к Кикоину, листали, листали материалы, ничего путного не нашли. Прошло несколько часов в дискуссиях и рассуждениях... Звонит В. И.: «Куда Михайлов пропал, Юра, я твои подписи жду». Ю. М.: «Никуда не денутся от тебя мои подписи. Мы тут с ним архиинтересные проблемы обсуждаем». Позже я узнал, что в этом направлении Ю. М. с К. Кикоиным и другими развили плодотворную деятельность.

Целлюлоза, целлюлоза...

В начале 80-х (после защиты в 1980 году докторской диссертации «Молекулярная динамика химических и биохимических реакций в твердых и вязких средах») началась у меня официально целлюлозная эра. Но еще в середине 70-х меня неофициально попросили прокурировать ЭПР-ные и радиационно-химические работы по целлюлозе, древесине и другим полимерам в Институте химии древесины в Риге (ИХД АН СССР). У них там был самодельный ЭПР-спектрометр и гамма-установка на ядерном реакторе в Саласпилсе. Весной 1981 года на конференции в Риге люди из Минмаша и Минлеспрома предложили мне вплотную заняться процессами химической переработки целлюлозы. «Конечно, — сказали, — с синтетикой проще. Сам сварил, сам изучай. А тут — Бог сотворил, а ты отгадывай. Пока перерабатываем хлопковую целлюлозу, все идет хорошо. А как только переходим к древесной — начинаются всякие нестабильности, хотя еще Д. И. Менделеев делал бездымный порох из нитроцеллюлозы. А мы вот народ оставляем без джинсовых штанов из-за этого. Может быть, ты со своей молекулярной динамикой поможешь».

В лаборатории

Я их, естественно, послал к начальству, к Гольданскому. Они его позвали на заседание МКС (Межведомственная координационная комиссия на уровне зам. министров различных ведомств). Через пару дней вызывает меня В. И.: «Альфа, тут мне интересную тему предложили по целлюлозе. У Вас что-нибудь есть по этому поводу?» — «Да, — отвечаю, — у нас с Ригой две диссертации подготовлены по полихронной кинетике процессов получения и модифицирования целлюлозы». — «О, это здорово, что у нас есть такой задел. Поезжай в Минлеспром в тех. управление к Л. В. Гребеневу, он обещал помочь. От Минмаша будет оформлять Н. Я. Кузнецова (из НПО «Союз»), ты проруководи ею». Так начались мои «хождения по мукам» — по министерствам. Через ВПК оформили спецтему (как раз начиналась пятилетка). Тем не менее, уже наступил сентябрь, а реальной финансовой помощи видно еще не было. Тогда мы предложили совершить нефинансовую акцию — поддержать В. И. Гольданского на выборах АН в академики. В Минмаше

Химфизику знали хорошо, и зам. министра Л. В. Забелин сразу согласился подписать письмо-поддержку.

«Выбора»

Прихожу в Минлеспром, излагаю просьбу на «бесплатную бумагу». Л. В. Гребенев «со скрипом»: «Ну ладно, попробуем. Скажу секретарше, чтоб провела тебя к Н. Г. Никольскому (замминистра), а там уж сам его уговаривай». Прихожу, излагаю, отвечает: «Гольданский? Нет, не знаю такого. А с кем вы работаете, чем занимаетесь?» — «С ИХД в Риге, 2 диссертации под нашим руководством там защитили». — «Ну, принеси в следующий раз, покажи хоть одну». — «А можно сейчас? У меня с собою есть». Достаяю из портфеля, передаю. Посмотрел, повертел в руках, полистал: «Зайдешь через неделю». Прихожу: «Пиши рыбу, какое вам нужно письмо?»

Как я узнал позже, диссертацию (Л. П. Бельковой) он послал в Ленинградскую лесотехническую академию М. Я. Зарубину с вопросом: «Как ваше мнение?» Ответ был сразу: «Мы, как ведущая организация, недавно на нее давали отзыв — положительный». Короче, пишу рыбу и вставляю естественную фразу, что Министерство «нам поможет». Далее «ждем у моря погоды» — подписей. Параллельно идет работа с Кардиоцентром, и я передаю Е. И. Чазову (к тому времени уже министру здравоохранения СССР) просьбу В. И. о поддержке и агитации. В ответ передаю аналогичную просьбу Евгения Ивановича Гольданскому по поводу избрания В. Н. Смирнова в члены-корреспонденты по биомедицинскому Отделению. Наконец получаем письма-поддержки от Л. В. Забелина из Минмаша и из Минлесбумпрома от министра С. А. Шалаева.

«О, подпись даже министра, — воскликнул В. И., — а я думал, как и в Минмаше, замминистром обойдутся».

В конце декабря пошли выборы. Гольданского наконец избрали после 17-летнего членкорства. «Теперь бы мне от счастья не разбиться, как хрусталь», — заявил он. В. И., как любитель ортодоксальных афоризмов, однажды выдал после очередного своего неизбрания из членкоров: «Все! На избирательные банкеты больше не хожу — только на поминки». — «Это почему же?» — спросили его. «А там никто не спрашивает: «А тебя когда?»»

«Корреспондент» — лучше, чем «член»

Но и своим «корреспондентским» положением он пользовался без осечек, особенно когда нужно было оправдаться перед гаишниками: «Извините, пресса спешит». Говорят, что на эту мысль натолкнула его сама милиция. Однажды в МГУ перед парадным входом милиция задержала и не впускала Н. Н. Семенова, который должен был с минуты на минуту открывать торжественное собрание. Никакие уговоры не помогали: «Вас нет в списках». Сзади идет Гольданский, показывает с ходу свое член-корреспондентское удостоверение. Милиционер ему, прочитав лишь второе слово на корочках: «А, пресса, пожалуйста». Тогда В. И. небрежным жестом в сторону Н. Н.: «Это со мной», — и ошарашенный Николай Николаевич торопливо засеменял через распахнутые перед В. И. входные двери Университета.

Последнее слово

На этом, дорогие читатели, я должен прервать воспоминания юбиляра о науке и жизни, о больших людях и больше всего о Гольданском, ибо они (воспоминания) почти бесконечны, а у нас площадь все-таки ограничена. Надеюсь, что

А.И. Михайлов. 1981 г.

вам тоже было интересно. Но по традиции даю воспоминателю последнее слово:

В заключение хочу сказать, что надо отдать должное не только моим конкретным учителям (В. В. Воеводский, В. И. Гольданский, Я. С. Лебедев, Н. Я. Бубен), но и всем нашим старикам-шефам. Они знали и видели стратегический толк в науке, смогли сформулировать и передать достаточно глобальные научные проблемы, которые нам удалось продвинуть вперед и приоткрыть новые горизонты при их доброжелательной поддержке и

конструктивной критике. И еще хочу поблагодарить всех сотрудников нашей Лаборатории за неизменную поддержку, понимание и терпение.

